

[Л.1]

Стенограмма записи воспоминаний ректора Львовского государственного университета им. Ивана Франко, профессора Николая Николаевича Паше-Озерского.

Беседу вел ученый секретарь Комиссии истории Отечественной войны, кандидат наук Гак Д.В.

Стенографировала Г. Шестопалова.

18.9.1944 года.

Я родился в 1889 году в городе Млаве. Окончил Киевский университет в 1911 году и был оставлен в этом университете для подготовки к профессорскому званию. В 1915 году получил звание приват-доцента, а в 1919 году – профессора университета.

Десять лет был профессором и руководителем кафедры уголовного права Киевского института народного хозяйства.

После восстановления юридического факультета в Киевском государственном университете в 1937 году был профессором этого университета, а в 1940 году меня переместили профессором и руководителем кафедры во Львовский государственный университет.

Перед самой войной в 1941 ВКШ назначила меня председателем государственной правительственной испытательной комиссии во Львове. Государственные экзамены начались за две недели до войны и продолжались до 28 июня 1941 года. Экзамены проводились под немецкими бомбами, в бомбоубежище Львовского университета. Экзамены еще шли в субботу, а в воскресенье, как известно, вступили во Львов немецкие войска. Уехать я уже не мог и был вынужден, к сожалению, остаться во Львове.

Во времена немецкой оккупации первые шесть месяцев я прятался, боясь, естественно, репрессий, потому что последнее время исполнял обязанности проректора университета. Потом, надо было жить, я [Л.1 оборот] начал заниматься торговлей. Торговал сначала чистой бумагой, а затем печатными бланками в Нотариальной палате во Львове. Выписывал обычные счета нотариуса Львовской области. Все эти бланки счетов сохранились. За это я получал от Нотариальной палаты определенный процент.

Зарабатывал я в среднем 450 злотых в месяц, чего хватало на полуголодное существование. Последние месяцы немецкой оккупации, когда героическая Красная армия подошла к Тарнополю, начались тяжелые репрессии со стороны немецких варваров над интеллигенцией, особенно над советскими гражданами, которые, как известно, были все специально зарегистрированы как граждане враждебного Германии государства, и все время были объектом разных издевательств.

Я вынужден был исчезнуть из Львова и укрываться в окрестностях города.

27 июля доблестная Красная армия освободила Львов от немецких захватчиков, а 28 июля Бюро Львовского обкома КП(б)У возложило на меня исполнение обязанностей ректора Львовского государственного университета. С большим энтузиазмом взялся я за восстановление разрушенного немецкими варварами очага украинской культуры – Львовского университета.

На моих глазах немецкие захватчики разрушали высшие учебные заведения, а также научно-исследовательские учреждения г. Львова – особенно университет. Немцы закрыли все учебные и научно-исследовательские учреждения. Три года не было во Львове научной жизни. Университет был разграблен. Все оборудование было уничтожено. Немецкие варвары топорами изрубили парты в прекрасной большой аудитории университета (т.н. коллегий-максимум) и сожгли эти парты как топливо, хотя в пивницах университета еще осталось от советских времен много угля и дров. Рубили на топливо также большие двери в аудиториях. Они сожгли исторический зал «Ауля». Она сгорела на моих глазах. Я видел этот пожар. Тяжелые дни переживали ученые Львовского университета, когда видели, как фашистские варвары выбрасывали из второго и третьего этажа университетского здания прямо на мостовую драгоценные библиотеки [Л.2] университетских кафедр. В главном университетском доме были размещены в советское время четыре факультета: исторический, филологический, юридический и физико-математический. Здесь было около 40 кафедр, были большие библиотеки, очень ценные, вместе около полмиллиона книг. Это все было выброшено на улицу для того, чтобы разместить в доме такие учреждения, как немецкая прокуратура и немецкий суд. То есть, такие учреждения, которые должны были по своему названию стоять на страже права.

Половина этих драгоценных библиотек была при этом тяжело повреждена или уничтожена. Героическими усилиями ученых университета удалось остальные книги спасти. Они перенесли книги в руках или перевозили их в библиотеку Академии Наук и помещения Политехнического института.

Кафедра, которой я руководил, была почти полностью уничтожена и разграблена.

Тяжело пострадали от немецких захватчиков университетские кадры. Немцы расстреляли 42 профессоров, доцентов, преподавателей. Погибли мои непосредственные коллеги, профессора-юристы: известный профессор Лоншан, которого немецкие звери расстреляли вместе с тремя взрослыми сыновьями (это было в 1942 г.), профессор-цивилист Алерганд, который завещал передать свою большую известную в Европе юридическую библиотеку кафедре гражданского права Львовского университета. Теперь я занят тем, чтобы выполнить этот завет. Погибло много людей, молодых коллег, ассистентов, лаборантов юридического факультета (Шпрунг, Горошевский и другие).

Картина опустошения в университетских зданиях и кафедрах ужасная. Нужно много времени и стараний, чтобы привести в порядок Львовский

государственный университет и восстановить нормальное его научно-учебное жизни.

[Л.2 оборот] Не успели немецкие войска вступить во Львов, как они начали зверски расправляться с населением. Я жил тогда на Кадетской улице. Недалеко находилась площадь «Динамо». Туда гестаповцы тянули людей, мучили ни в чем неповинных евреев и других граждан, которых они сгоняли ежедневно на эту площадь. Они заставляли их бегать часами по площади, падать на землю, ходить на четвереньках, снова вставать и снова падать на землю. Все время при этом их били резиновыми киями и каждый раз, когда кто-нибудь от нестерпимой боли кричал, немедленно убивали выстрелом из револьвера. Я лично видел это все с балкона своего жилья. Потом этих несчастных вывозили автомобилем за город и расстреливали. Каждый день приводили новые партии. Таким образом в первые дни сгоняли тысячи невинных людей. Среди них было много молодых женщин.

Мне хотелось бы, как законодателю, сказать несколько слов о так называемой немецкой юстиции в период немецкой оккупации и так называемое право генерал-губернаторства. Во Львове действовало специальное законодательство, которое действовало во всем генерал-губернаторстве, столицей которого был Краков. Это так называемое право г.г. было пропитано тремя основными мыслями. Прежде всего право все было направлено на защиту исключительно немцев и совсем не охраняло не немцев. Всякое покушение на особу немецкого происхождения наказывалось смертью. В 1944 г., например, был опубликован известный закон о насильственных действиях против дела восстановления немецкой государственности на оккупированных территориях, и о насильственных поступках против немцев. Каждая статья этого закона наказывала смертью, даже обычная кража у немца каралась смертью. И ничего в этом законе не было сказано об ответственности за такие же поступки, если их причиняли против немцев.

[Л.3] Немецкие суды выносили массово смертные приговоры на основании этого закона. Эти приговоры расклеивали на доме университета, а также на стенах города Львова. Периодически на этих стенах появлялись большие плакаты розового цвета с фамилиями лиц, осужденных к смертной казни за всякие незначительные поступки, например, за нарушение так называемого комендантского часа (запрет пребывания на улицах после 9-ти ч. вечера), за радиослушания, за оскорбление немецкого гражданина словом или поступком, за сопротивление органам немецкой полиции и т.д. Причем, после первых 20-30 фамилий обычно в таком объявлении говорилось, что смертный приговор уже выполнен, а остальные – несколько сот осужденных – надеются на помилование, если в течение двух следующих месяцев во Львове не будет сделано ни одного нападения на немецких граждан. Очевидно, что население не было в силах выдерживать всех зверств немецких варваров, нападали на них и убивали немецких захватчиков. Поэтому через некоторое время или казнили остальных

осужденных, имевших «надежду на помилование», или на стенах города Львова появлялись новые списки осужденных.

Немцы-культурники установили публичный способ исполнения смертной казни. Я никогда не забуду того страшного впечатления, которое на меня оказал вид публично расстрелянных и повешенных в 1943-1944 годах многих людей на Краковской площади во Львове.

Немцы часто практиковали исполнение смертных приговоров путем повешения своих жертв на балконах, в частности в районе так называемого гетто.

Второй характерной чертой права г.г. была чрезвычайная жестокость этого законодательства. Каждый закон, даже в области административной, финансовой, экономической жизни, имел тяжелые санкции.

[Л.3 оборот] Третьим характерным моментом было то, что в тех редких случаях, когда право защищало интересы не немцев, это все оставалось на бумаге. И не немецкие граждане были полностью беззащитны перед органами немецких властей.

Во Львове рядом с немецкими судами и прокуратурой существовали формально и украинские суды и украинская прокуратура, но компетенция этих судов и этой прокуратуры была чисто бумажная. Украинские суды рассматривали мелкие гражданские и уголовные дела. Например, мелкие кражи у не немцев, мелкие гражданские споры тоже не немцев. А украинская прокуратура была полностью бессильной и не могла ничего приказать даже обычному немецкому полицейскому. Мелкие свои приговоры украинские суды выполняли при помощи специальной украинской полиции. Кстати сказать, что эта украинская полиция полностью служила немецкой власти и активно участвовала во всех расправах над населением, которую творили гестаповцы.

Немецкие суды и немецкая прокуратура имели во Львове ужасную специальную тюрьму, которая находилась на улице Лонцкого.

Десятки тысяч невинных людей были замучены в стенах этой тюрьмы. Характерно, что немецкие суды выносили или смертные приговоры, или приговоры на очень короткие сроки лишения свободы: 4-6 месяцев, хорошо зная, что даже такого короткого заточения никто не выдержит в ужасных застенках по улице Лонцкого и погибнет там через несколько недель.

Украинская юстиция имела свою отдельную тюрьму по улице Казимировской. Среди львовской адвокатуры тоже были привилегированные и обычные адвокаты. Среди привилегированных адвокатов, то есть таких, которые имели право выступать также и в немецких судах, были только немецкие подданные, так называемые рейхсдойчеры и фольксдойчеры, и эти единичные адвокаты-украинцы и поляки, которых немецкий суд и гестапо [Л.4] допускали к выступлениям в немецких судах. Получить право выступать в немецких судах – это означало собирать с населения десятки и сотни тысяч злотых за написание различных заявлений, ходатайств и т.п., которые по убеждению самих адвокатов были полностью бесцельные, потому что помочь это никому не могло.

Остальные адвокаты не имели никакой работы и жили полуголодные, занимались различными делами, ничего общего с адвокатской практикой не имели. Очевидно, что каждый адвокат работал индивидуально и проводил так называемую собственную канцелярию, коллектива адвокатов не было. Существовала так называемая Адвокатская Палата, которой руководил известный украинский деятель Михаил Волошин. Он умер в 1943 году.

Адвокатская Палата была полностью в подчинении немецкого отдела юстиции при губернаторе Львовской области.

При Украинском центральном комитете существовал целый ряд так называемых союзов объединения труда: юристов, врачей, инженеров и др. Мне ближе известна была работа союза юристов, которой руководил председатель так называемого городского суда во Львове, судья Вачкив, сбежавшего с немцами на запад. Этот союз юристов систематически организовывал на протяжении 1942-1943 годов во Львове доклады своих членов. Доклады эти происходили или в помещении УЦК, или в помещении украинского апелляционного суда, который находился сначала в здании университета, а затем на Академической улице №24.

Большинство этих докладов были насыщены антисоветскими выступлениями и клеветой. Выступал между прочим с докладами адвокат Лысый (он был первое время немецкой оккупации председателем Украинского комитета в г. Львов), проф. Дябло и др.

Интересно, что этот последний приехал во Львов из Москвы, сделал весной 1941 года доклад о деятельности правительства УНР, причем его доклад был наполнен антисоветскими выступлениями. [Л.4 оборот] Этот «профессор» с целой семьей бежал в Прагу. Как сегодня помню его бешеную агитацию, он ее проводил среди нас, советских ученых, направленную на то, чтобы перейти на службу немцев и в частности принять приглашение в так называемый Украинский свободный университет в Праге.

Структура украинских судов в Галиции была такова: первой инстанцией был городской судья, который рассматривал мелкие дела единолично. Все городские судьи объединялись в так называемый городской суд. Эти городские судьи действовали на территории определенного района.

Второй инстанцией был так называемый окружной суд, который был в каждой области, на которые разделена область Галиции. Окружной суд рассматривал также, как и первая инстанция, большие гражданские и уголовные дела.

Второй инстанцией для окружных судов и высшей инстанцией для всех судов был единственный Апелляционный суд во Львове. Взаимоотношений между украинскими и немецкими судами, а также между немецкой и украинской прокуратурой не было никаких, потому что надзор над украинскими судами и прокуратурой осуществляли не немецкие суды и прокуратура, а отдел юстиции правительства губернатора Галиции.

Структура украинской прокуратуры следующая.

Окружной прокурор и его помощник, и апелляционный прокурор и его помощник.

(Паше-Озерский)

Пронумерованы 4 листа.

мл. нац. раб. Смалус

30.I.46 г.